

Художница Лидия Мандель и немножко о ее круге, Вере Рохлиной, Кате Грановой и еще более известных именах.

Мое знакомство с Лидией Мандель произошло летом 1975 года, в Париже. Оно осталось в памяти на всю мою жизнь, своим мягким и прекрасным началом и невероятно печальным концом.

Мы были эмигранты из Советского Союза, приехавшие летом 1973 года в Израиль. «Мы» - это я, профессор математики, моя жена Людмила и дочь Лариса. Я сразу же начал работать в Тель-Авивском университете на математическом факультете и летом все мы отправились в Европу (я – на конференции, а семья со мной смотреть и узнавать Европу). Летом 75-го мы отправились кораблем до Греции со своей машиной, и затем «на колесах» доехали до Парижа. Как мы увидим, к моему счастью, машина у нас была большая – Мерседес. Это было не признаком больших денег, которых я не имел, а следствием законов Израиля (для иммигрантов машины продавались без налога; ну и еще удачное стечение обстоятельств – но это уже другая история).

Итак, мы приехали в Париж. Останавливались мы в кемпингах, денег на гостиницы не было. В Париже мы встретились по предварительной договоренности с одной очень молодой художницей Вале́й Шапиро, тоже эмигранткой из России (из Москвы, как и я), тоже живущей в Израиле и приехавшей искать удачи и счастья в Париже. Я думаю, ей было порядка 25 лет (а мне уже 35), это была замечательная художница с очень-очень тяжелой судьбой. Но она была очень пробивная молодая женщина, уже имевшая определенные связи в художественных кругах Парижа. Например, она была знакома с Катей Грановой (Katya Granoff, 1895-1989). Валя привела нас в галерею Кати Грановой и познакомила с ней мою семью.

Здесь время отвлечься и рассказать немного о Katya Granoff. Она приехала в Париж из еще дореволюционной России совсем молодой девушкой со своей сестрой. Была поэтессой, она подарила нам книжку своих стихов. Но сделал ее невероятно знаменитой и баснословно богатой – вкус, потрясающий вкус к искусству. Она понимала и чувствовала искусство, она открывала его и молодых художников. В начале 20-го века она курировала и помогала молодым художникам из России, приезжавшим толпами в Париж, эту Мекку искусства конца 19- начала 20-го веков. Я не знаю деталей ее истории, ее взлета, но одну маленькую историю она сама рассказала нам при той встрече.

Каким-то летом (не знаю, какой это был год, но его можно вычислить), перед традиционной ежегодной поездкой на лето на юг Франции в Ниццу, она с сестрой пошла смотреть новую выставку молодых художников. Ей очень понравились картины одного молодого художника, и она решила купить сразу две. Сестра пыталась остановить ее: «Катя,- уговаривала она – ведь это деньги, на которые мы собираемся ехать на юг». Катя ответила: «Тогда мы не поедem на юг этим летом», и купила картины. Это был начинающий Raoul Dufy! С таким пониманием и вкусом можно было быстро расти, и к моменту нашего знакомства у нее было две галереи в Париже, одна – около президентского дворца на Champs-Élysées, и другая – около сегодняшнего музея Orsay. Кроме того, ее галереи были разбросаны по всей художественной Франции, и мы встретили одну из них, например, в Нормандии в Honfleur.

Katya Granoff производила невероятное впечатление гранд дамы. Очень полная, она восседала в своем кресле, и несколько работающих у нее девушек крутились вокруг, угадывая каждое ее слово. Наш визит имел определенную цель: Катя хотела помочь Вале Шапиро (она все еще помогала молодым художникам). Идея помощи состояла в том, что она позвонит своим старым подругам-художницам и попросит отдать Вале старые холсты, которые они уже не собираются использовать, а Вале будет на чем рисовать. Конечно же, в большей части содержали неоконченную (или даже законченную) живопись, и предполагалось, что Валя будет писать по ним (жестоко, не правда ли?).

Одной из таких подруг и была Лидия Мандель, которая сразу же откликнулась, и пригласила Валю приехать. Мы были на нашей машине, и сразу же поехали вдвоем (оставив мою жену и дочь готовить обед у Вали дома).

Лидия Мандель.

Мандель жила в одном из высоких типичных Парижских домов, где-то в районе Эйфелевой башни. Мне кажется, мы встретились с ней во дворе дома, но, может быть, пришли в квартиру и сразу же спустились вниз, во двор. Все дворы этих домов имеют вход в Парижские катакомбы, конечно же, перекрытые в глубине, а в начальной их части подземелье разделено на небольшие комнатки – кладовые для каждой квартиры дома. И Мандель имела такую кладовку. Она как-то не хотела идти в эту комнату, держа ключ в руках. Мандель была хрупкой, общительной и очень приятной пожилой женщиной, и она прямо сказала мне: «Я боюсь идти туда». «Почему?» - удивился я. И она рассказала, что не была там уже 40 лет! Где-то в середине 30-х она уехала со своим мужем в Англию (возможно, участвовать в выставках, а, возможно, и по делам мужа – она не уточняла). Затем война остановила их возвращение. В эти годы она потеряла мужа, вышла замуж вторично за англичанина, вернулась лишь спустя годы после войны, и всегда откладывала спуститься вниз в эту каморку из-за очень тяжелых воспоминаний прошедших лет. И вот теперь, по просьбе Катю Гранофф, она готова была решиться на этот шаг, чтобы поискать там старые холсты. Я уговаривал ее пойти туда, но мягко, не настойчиво, говорил, что я буду все время рядом. И она согласилась, впрочем она спускалась с нами во двор уже готовая согласиться. Мандель объяснила, что она сама не знает, что там, поскольку когда сама она была уже в Англии, ее домработница сносила туда во время войны то, что считала ценным и необходимым сохранить.

Мы открыли эту каморку-склад. Первое, что мы увидели, был толстенный слой пыли, смешанной с трухой. Ничего не было видно под ним. Я опустил руку в эту пыль, наткнулся на ножку стула (изогнутая ножка, должна была быть красивой), она рассыпалась в труху в моей руке. Но не зря говорят «рукописи не горят», а искусство не превращается в труху! И мы стали доставать из пыли какие-то свернутые, смятые полотна и много тетрадей рисунков.

Тетради были подписаны «1922», «1921», а так же «1920» годы и одна не полная «1919» - год приезда Мандель в Париж. Я не уточнял у Лидии, но думаю, она рисовала их в студии Leger, стиль напоминал, и она была очень хорошо с ним знакома.

Там, в этом подвале, я нашел огромную круглую работу 1922 года, она была очень попорчена, но мой близкий друг и великолепный и очень известный теперь у нас в Израиле художник Ян Раухвергер, реставрировал ее для меня и она висит в моем доме. Он же, Ян, помог мне привести в порядок полотно Веры Рохлиной, которое я тоже вытащил из этой пыли. Он натянул его (после нашего возвращения в Израиль) на подрамник, но очень осторожно, не натягивая, и научил меня раз в несколько дней чуть-чуть обрызгивать водой и «подтягивать» холст, разбивая колышки сзади подрамника. Известная техника, но, конечно же, не известная мне. Картина эта была полностью приведена в порядок уже в начале 80-х и мы наслаждаемся ею все эти годы. Кстати, реакция Мандель, когда мы достали из пыли эту работу, была: «Это Верочка Рохлина», и поскольку я не знал такой художницы, она добавила: «ее мужем был...». Она произнесла очень знакомое мне имя художника Русского авангарда, и я был уверен, что я его не забуду. Но я запомнил имя Рохлиной, поскольку я хорошо знал великого Ленинградского математика Рохлина, и эту фамилию забыть не мог, а вот фамилию художника, которого Мандель назвала ее мужем, я забыл. Имя художницы Рохлиной, абсолютно не известное в те годы и взлетевшее только в 2000-х, очень известно теперь, и я думал, что имя ее мужа в 30-х годах (перед ее самоубийством) будет легко узнать, но это оказалось не так. Какая-то загадка стоит за этим. Мандель не могла ошибиться, Вера была ее ближайшей подругой,

но все написанные сегодня биографии Рохлиной не указывают на какого-либо художника в качестве ее второго мужа. Впрочем, возможно, они не были женаты официально.

Еще много интересных работ мы нашли в этом подвале. Валя забрала себе много полотен, на которых можно было рисовать (мне было жаль каждое полотно, которое она брала). Возможно, я заплатил ей что-то по цене полотен, в компенсацию за картины, которые я забрал (я не помню этого точно).

На следующий день мы уезжали на неделю в Англию на конференцию, а вернувшись в Париж, я решил позвонить Мандель. Еще раз поблагодарить. Было очевидно, что она обрадовалась моему звонку и предложила приехать. Мы все (с женой и дочкой, но уже без Вали) приехали к ней. Это был замечательный вечер, и я пересказываю истории, рассказанные нам Мандель. Ее муж не говорил по-русски, и поздоровавшись вышел в другую комнату. Его мы больше не видели (хотя говорить мне с ним через несколько лет пришлось).

Но в начале Мандель спросила меня, не могу ли я вернуть ей одну картину, которую я нашел в подвале, такую с голубым цветом, пробивающимся сквозь пыль и грязь, которой картина была покрыта. Я должен сказать, что мы с женой отметили эту картину, и даже обсуждали, что это может быть Dufy, но за слоями пыли это нельзя было определить. Я собирался в Израиле чистить и реставрировать ее. Мандель нервничала, она сказала, что одна ее подруга напомнила ей, что когда-то в начале 30-х Мандель подарила эту картину ей, и она хотела бы получить ее сейчас.

Моя реакция была, естественно, мгновенной – «Конечно же, все в багажнике моей машины, и я немедленно принесу ее» (но вместе с женой мы не поверили словам Мандель о ее подруге и решили, что были правы в наших догадках). Я принес эту работу к большому облегчению Лидии. Она взяла со стены одну свою работу, девушка в красной шляпке, и дала ее мне: «Хотите взамен мою девочку на память?». Мы были, конечно же, счастливы.

Истории, рассказанные Лидией Мандель.

Маяковский.

Мандель была очень дружна с Владимиром Маяковским. Ее племянник из Москвы писал ей, что он видел фотографию Маяковского с ней, Мандель, в музее Маяковского.

Однажды, Маяковский посетил Париж, и конечно же встретился с Мандель. Они гуляли по Champs-Élysées и Маяковский предложил Мандель посидеть в кафе. Лидия заметила, что это очень дорогое кафе, и лучше посидеть в другом – тут их полно, и кофе одинаковое. Но Маяковский заупрямился: «У меня есть деньги!», - гордо сказал он. Они зашли. Когда пришло время расплачиваться, Маяковский протянул официанту 100-франковую бумажку, очень большие деньги по тому времени. Официант взял ее и ушел. Маяковский побледнел: в России официант рассчитывается на месте и не уходит с деньгами! Мандель поняла, что Маяковский решил, что их кофе стоило 100 франков. Она решила поиграть на его нервах и ничего ему не объясняла. Так небрежно продолжала болтать. Официанты в Париже не торопятся возвращаться со сдачей, дают посетителям посидеть и поговорить. Прошло какое-то время, пока официант пришел со сдачей (а Мандель, смеясь про себя, наблюдала за Маяковским), и лицо Маяковского вернуло цвет.

Picasso и Leger.

Мандель удивило, как хорошо мы знаем искусство Русского авангарда и имена художников, многие из которых были ее друзьями, либо просто знакомыми. Училась она до приезда в Париж в 1919 году у Машкова, в Париже была особенно близка с Рохлиной

(до ее смерти в 1933), а после с Делонэ. Роберт Делонэ умер рано (1885-1941), но Соня Делонэ (1885-1979) была жива, и хотя была намного старше, пережила Мандель.

Рассказы о невероятно пробивной Соне не запомнились мне. Это была обыденная история продвижения себя (и мужа). Однако, беседа сблизила нас. В какую-то минуту мы коснулись Пикассо. И я позволил себе слегка покритиковать его подход к искусству. Конечно же, Пикассо обладал невероятным мастерством и вкусом, техникой и плодовитостью. Но я ученый, и вопрос о первооткрывательстве, об авторстве идеи, находки важен для меня. У меня не вызывало сомнения, что все свои основные этапы и «ново-открытия» Пикассо брал у других художников. Я знаю лишь один стиль из десятков, а возможно и сотен стилей, в которых он работал, который по моему мнению принадлежал ему, был его душой и его открытием. И это я сказал Мандель, но очень мягко, боясь произносить такие кощунственные слова. И ... о боже, Мандель согласилась, но тоже немножко боясь своих слов. И она рассказала одну историю.

Однажды (где-то в 20-х годах) она сидела в кафе с Picasso и Leger (как это звучит сегодня!). Picasso спросил у Leger, давно ли он прогуливался вдоль Montparnasse. «Очень давно», - ответил Leger – «школа, студенты, работа – совсем нет времени». «А зря», - сказал Picasso – «я вот вчера прошвырнулся, столько интересных идей можно подхватить!»

Мандель добавила, что она была шокирована этим признанием. Великий маэстро, уже очень известный и дорогой Picasso подхватывает идеи у молодых, начинающих и часто нищих художников. Ведь мастер мгновенно напишет десяток работ в «подхваченных» стилях и тем самым, за одно, уничтожит талантливых, но еще по-настоящему не рожденных художников. Она запомнила это на пол столетия и поделилась со мной.

Я отступлю на мгновение от Мандель и вернусь к Picasso. Много лет спустя в Париже открылся музей Picasso и в первый период там была выставлена его личная коллекция, то, что хранилось в его доме. Среди этих работ не было ни голубого, ни розового периода, ни многих других очень известных его стилей. Для себя в доме он оставлял работы только одного стиля, именно того, который я еще в беседе с Мандель определил, как его личный стиль.

Кроме художников, мы говорили о многих других личностях культуры. Оказалось, что она ничего не знала о Булгакове. Его слава еще не пришла из России в Париж. Я пообещал выслать ей «Мастер и Маргарита», что и сделал по возвращении в Израиль. Она была в восторге и в ответ прислала нам разукрашенную ею новогоднюю открытку.

На этом закончились мои контакты с Лидией Мандель, почти что и не начавшись. Пару лет я не был в Париже, и приехал снова, кажется в 1978 году. Я позвонил Мандель. Телефон взял ее муж и сказал, что Лидия умерла. Ее сбила машина в Ницце, где они отдыхали прошлым летом, она еще долго пролежала в больнице, и даже нарисовала для него картинку. Ее похоронили там же, в Ницце. Я был в таком шоке, что говорить не мог. Но позже я позвонил снова и спросил, могу ли я увидеть и купить какие-либо ее картины. Кстати, он помнил наш визит, но его объяснение, почему у него нет ее работ было странным и я не понимал его. Я считал это проблемой языка и сразу же поехал к моему другу, тоже математику, чрезвычайно известному сегодня, Gilles Pisier, и попросил его позвонить мужу Мандель и расспросить еще раз. Объяснить, что мой английский, по видимому, недостаточен, чтобы понять. Однако оказалось, что я просто не знал французской реальности. Мандель заключила с кем-то договор пожизненной ренты (обыденная история во Франции). Этот кто-то выплачивал Лидии определенную пенсию всю ее жизнь, а после ее смерти квартира переходила к нему. И муж Лидии получил одну неделю времени, чтобы освободить квартиру. Новый хозяин обошелся с ним очень хорошо, и позволил ему остаться жить в маленькой комнатке для прислуги всю его

оставшуюся жизнь. Однако он должен был избавиться от всех картин Мандель (я думаю, он никогда не понимал, какой замечательной художницей она была). Он позвонил в несколько галерей. Ответы звучали неутешительно: «Кто же теперь помнит Мандель?», либо «Мы позвоним в Лондон, может быть кто-то захочет ее там». (Как мы увидим, они просто сбивали даже еще не назначенную цену). Однако муж Лидии ждать не мог, он погрузил все работы на извозчика и отвез их на Montparnasse, на рынок искусства. Ему «повезло», сказал он нам по телефону, кто-то проходил, увидел эти работы, и забрал ВСЕ. «Кто-то» понимал искусство и удивился своей удаче! Работ было очень много, я помню вся квартира была заставлена ими, не только стены. И ее муж, я думаю, отдал их очень дешево. На следующий день галереи стали звонить к нему, готовые покупать работы Мандель и были в шоке и ужасе, что они так прошляпили.

Я плакал, узнав эту историю, этот конец.

Виталий Мильман.